

Кризис американской школы

Кризис, охвативший систему общественного образования США, является общеизвестным фактом для всех, кроме чиновников в России, которые продолжают слепо и бездумно копировать «американский опыт». Много раз я пытался «докричаться» до чиновников в России, писал письма в министерство образования, в газеты, на телевидение, приглашал их в гости, в свою школу. Но ответа не получал. Видимо, не научились ещё люди у власти в России читать письма простых людей, и я «отступил».

Недавно узнал, что в России замахнулись на кардинальную реформу образования и решил поделиться своими мыслями со своими читателями. В одной статье невозможно дать глубокий анализ этого кризиса, поэтому я постараюсь рассказать вкратце о том, что я подметил, работая в американской средней школе, в одном из небогатых районов города Колорадо Спрингс.

Кратко о себе. Родился в Уральске, там же и закончил факультет иностранного языка педагогического института. Работал в школе учителем, затем в Алма-Ате чиновником, довольно высокого ранга, потом снова был на педработе завучем и директором школы. В 1991 году ушёл в бизнес, а в 1992 году, женившись на американке, эмигрировал в США.

Лет пять чем только не занимался, «прошёл путь» от вице-президента издательской компании до преподавателя русского языка Сил Специального Назначения на военной базе форта Карсон. Но надоело мотаться «по белу свету» и стал преподавать в местном колледже/университете, да консультировать различные компании, которые имели дело в странах бывшего СССР.

Однажды раздался звонок и женский приятный голос предложил мне подать заявку на её место учителя русского языка в школе Митчелл. Через полгода она уходила на пенсию и искала себе замену. Звали её Мардж, говорила она бегло на четырёх иностранных языках, была страшно влюблена в Россию, в её культуру.

Я удивился тому, что она обратилась ко мне: у американцев не принято заботиться о ком либо, кроме себя. Но Мардж пояснила, что она с таким трудом создавала «русский класс» и ей будет очень жалко, если он «отдаст концы в воду».

Подумав, я согласился. Не буду описывать все бюрократические трудности перевода и «конвертирования» документов, скажу только, что сейчас это делается легко - появились десятки компаний, которые переводят дипломы на американский лад быстро и профессионально. А в то время было совсем по-

другому. Мне пришлось попотеть в этом деле. Но, позади все (так мне тогда казалось) мытарства и я подал заявление в *Human Resources*, то бишь, отдел кадров района по-нашему, и стал ждать. Вскоре позвонила Мардж, сказала, что со мной хочет познакомиться директор школы.

Приём на работу.

В назначенный для встречи с директором день я приехал пораньше в школу. Прошёлся по её коридорам. Был 1997 год и правила входа в здания школ не были такими строгими как сейчас. Двухэтажное здание было построено в виде прямоугольника, в средине которого находилась библиотека, а по сторонам - классные комнаты. Административное здание, стоящее поодаль, соединяли со школой длинные коридоры, увешанные фотографиями студентов разных лет и заставленные разными спортивными трофеями. Между коридорами, соединяя их, раскинулась огромная столовая. Спортивный зал с плавательным бассейном и мастерские стояли отдельно, сбоку школы. Огромный актовый зал, готовый дать фору любому советскому дворцу культуры, находился рядом с административным зданием. Школа считалась старой, построена была в 1968 году, но лучшей в то время я не видел в своей жизни.

Итак, Мардж встретила меня у кабинета директора и мы вошли в его маленький, просто обставленный оффис. Директором тогда был мистер Поор, молодой человек с почти лысой большой головой. Моё резюме лежало на его столе. По ходу разговора я понял, что он его внимательно изучил. Он дружелюбно поздоровался и задал несколько вопросов общего характера. Затем пожал руку и попрощался.

Я вышел из его кабинета радостным и несколько удивлённым таким оборотом дела. «Надо же, как здесь доверяют людям! Пять минут разговора - и ты уже принят на работу», пронеслось в голове.

Но радость была преждевременной. Мардж пояснила мне, что это всего лишь ознакомительная беседа. «Интервью будет после того, как ты получишь лицензию», улыбнулась она.

Лицензии – величайшее изобретение капитализма! Ты и шагу не шагнёшь в этом «свободном мире» без этого документа. Как здесь не вспомнить русское: *без бумажки я букашка, а с бумажкой человек!* Хочешь открыть свой бизнес – покупай лицензию, хочешь поудить рыбу – опять же открывай кошелёк. Хочешь учительствовать, диплома не достаточно – нужна лицензия.

Лицензия – это не только регистрация деятельности, но и жёсткий контроль за уплатой налогов и за качеством работы. Нагрянет проверка, усмотрит то или иное нарушение, скажем, грязный туалет, либо отсутствие в нём бумаги (простите за такой пример, просто в России не знают как с этим

бороться), поулубаются и культурненько оштрафуют. Не устранишь недостатки вовремя, отберут лицензию. И никто никому не будет «читать нотации», либо стыдить...

Но я отвлёкся. В моём случае мне надо было получить лицензию штата Колорадо на преподавание в общественной школе Митчелл. Для того чтобы её получить, надо было предоставить диплом, сведения о крЕдитах (зачётах), полученных по специальности, резюме, фотографию, сдать отпечатки пальцев и т.д.

Когда я всё это сделал, мне вежливо сказали, что теперь я могу подать заявку на получение лицензии на право преподавать в этом штате. Я страшно удивился, ведь по своей наивности я думал, что мне её вручат сразу же после проверки моих документов!

- Нет, сэр! – засверкал белоснежной улыбкой огромный старый «афро-американец». - Даже если вы всю жизнь учительствовали в соседнем штате, вам прийдётся это сделать. У нас каждый штат – как бы отдельное государство...

До начала занятий в Дистрикте (районе)-11 оставался месяц с небольшим и я наивно надеялся быстро «купить» лицензию и начать работать. Но, оказалось, чтобы получить лицензию, надо было сдать экзамен, да не один, а несколько. Сначала по английскому языку. Потом, по преподаваемому предмету. Для меня это был русский язык и мне надо было ответить на несколько десятков вопросов и написать сочинение. В самих вопросах я нашёл множество ошибок, но экзамен сдал. Потом был экзамен по либеральному искусству и литературе. Такого предмета в средних школах нет, но так Штат проверяет общий уровень будущего работника.

Когда я узнал, что надо сдавать математику, я думал, что кто-то что-то напутал. Ведь всему миру известно, что все люди поделены на физиков и лириков. Я – лирик, математику никогда не любил, также как и она меня. Но, оказалось, что никакой ошибки не было, математика сознательно включена в тест для будущих учителей. Вот такие парадоксы американского бюрократизма! Пришлось нанять репетитора и сдать этот, вообщем-то, лёгкий, но никому ненужный, ничего «не измеряющий», экзамен.

Самым трудным оказался тест по «профессиональным знаниям», или, по нашему, по педагогике. Помню было 88 вопросов, один другого запутанней. Надо было набрать 212 баллов. Я трижды сдавал и набирал одно и то же количество 209. Время отчаянно ускользало, никто, к кому бы я не обращался, не смог мне помочь. В каждом экзамене вопросы менялись, да и невозможно было запомнить их все.

Я приехал в офис и рассказал там о своих бедах. Тот же афро-американец, директор департамента кадров, посоветовал мне не печалиться и поговорить с директором школы.

- Если Вы ему нужны, то пусть нам напишет письмо и мы дадим временную на год лицензию, – посоветовал он мне и опять расплылся белоснежной улыбкой.

Директору я и русский язык оказались «нужными». Он сказал, что если я пройду интервью, то такое письмо он напишет.

Интервью.

В назначенный день я появился в школе. Были каникулы, школа была пуста, только два мексиканца юрко надраивали пол мастикой. Я зашёл в комнату и увидел пятерых людей, которых мне тут же представил директор. За столом сидели завуч, советник, и три учителя – руководители методических секций школы, которых попросили прийти на день интервью, вызвав из отпуска. Они представляли секции иностранных языков, общественных наук и экономики. Почему руководители именно этих секций были приглашены? Директор пояснил, что если я пройду интервью, то, принимая во внимание мои два диплома о высшем образовании, мне предложат преподавать русский, экономику потребителя и одну из общественных наук. Класс русского языка был крошечным, а по закону мне надо было преподавать 5 классов.

Вопросы были лёгкими, большинство о моей прошлой жизни, о том, где и что я преподавал. Я запомнил один, который, как я потом узнал, оказался решающим. Его спросил сам директор:

- Как вы думаете, почему мы должны Вас принять в нашу школу?

Позже я узнал, что это стандартный вопрос во время всех интервью. На него обычно принято отвечать о том, что ты привнесёшь своим появлением в школе.

Мой ответ был кратким. Встав и расставив в стороны руки, как будто я не пускаю учеников дальше, я сказал:

- Если мне суждено будет у вас преподавать общественные науки, то я скажу своим студентам: «Стойте, не ходите в коммунизм, я там был и там ничего хорошего для вас нет!» Я хотел, чтобы мои экзаменаторы улыбнулись, а они приняли мои слова серьёзно. Им так понравился мой ответ, что они засверкали улыбками и, по-иному, с любопытством, посмотрели на меня.

Меня попросили выйти в другую комнату и написать свою биографию, они хотели ещё раз убедиться в моей грамотности. Я не сделал ни одной ошибки, факультет английского языка Уральского пединститута с честью сдал и этот экзамен. Через полчаса меня пригласили опять в эту комнату и сказали, что я выдержал интервью. Мне предстояло преподавать один класс русского языка, один экономики потребителя и три класса гражданственности, по-нашему, обществоведения.

Кто-то, кто знает сегодняшнее положение дел в школах США, с недоверием усмехнётся, подумает, что я здесь скучавил, что интервью в Штатах намного сложнее. Но, я хочу напомнить, это был 1997 год. Сейчас требования к учителю во время приёма на работу, усложнились.

Как обычно проходят интервью? По-разному. Но везде одно непреложное требование-закон: при приёме на работу должны быть соблюдены абсолютная прозрачность и честность процесса. Информация о вакансиях обязательно должна появиться на сайте дистрикта (раньше, когда не было компьютеров, все вакансии публиковались в местных газетах). Потом объявляется приём желающих быть в интервью-комиссиях. Составляются вопросы. Всё это в произвольной форме. Одни и те же вопросы в строгом порядке задаются каждому кандидату. Если кандидатов много, начинается просмотр документов и телефонные интервью. Здесь отсеивается большинство кандидатов. Обычно остаётся человек девять. Их интервьюируют две комиссии по очереди. Два-три кандидата «выходят в финал» и уже суперинтендант, если это работа в его администрации, или директор, если речь идёт о школе, и пара его замов проводят интервью с ними. Задаются другие, более профессиональные вопросы. Словом, интервью пройти – «не поле перейти»!

Структура «школьной власти».

Немного о структуре нашего дистрикта, самого крупного из районов в городе. Она не очень отличается от соседних, я не говорю о частных и религиозных школах - там совсем другое.

Высшим органом образования в дистрикте является Школьный Комитет.

В своё время у нас в Алма-Ате безуспешно пытались внедрить такие «Попечительные Советы». Я с улыбкой вспоминаю, как нас, директоров школ, «возили носами по столу», требуя отчётов по их созданию. Помню, как я упрашивал директора своего базового предприятия дать добро на его членство в Совете. Он отмахнулся от меня, как от назойливой мухи: «Отстань, Григорич, у меня своих дел полно. Денег надо – дам, остальное не моё. Ты – директор, так не снимай с себя ответственности!»

Через год об этой инициативе, спущенной с Москвы, успешно забыли. Видимо, какой-то бюрократ побывал в США и, не разобравшись, решил её внедрить указом. А ведь такое указом не внедришь! Это часть американской культуры и её копировать слепо нельзя...

В нашем Школьном Совете было 7 человек. Они избирались в него тайным голосованием всего населения дистрикта. Выборы в таких случаях бывают серьёзными. Для многих это первая ступень в их карьере политика. Тратятся большие деньги, весь город завален рекламой, не говоря уже о ТВ и

газетах. Такой ажиотаж порой, что непосвящённый человек может подумать, будто идёт компания по выбору президента США. А ведь за свою деятельность члены Совета ничегошеньки не получают.

Этот Совет нанимает Суперинтенданта, который проходит жесточайшее интервью. Он же обговаривает зарплату и различные добавки этому чиновнику. Как правило, зарплата очень высокая. У нашего, к примеру, зарплата была 220 000 долларов, плюс больничные, плюс за использование своей машины, плюс представительские... Учитывая, что зарплата начинающего учителя была в то время 38 000 долларов, набегало немало.

У Суперинтенданта два заместителя и 11 исполнительных директоров. В его офисе несколько департаментов (отделов): юридическо-аудиторский; финансовый (бухгалтерия); административный; информации и технологии; обучения; обслуживания зданий; плановый; кадровый; Служба отношений между школами и населением; Служба безопасности (секьюрити); Служба по рассмотрению жалоб на чиновников. Кроме того, есть Группа атлетики и студенческой активности. Возглавляет её Директор по атлетике дистрикта на правах заместителя Суперинтенданта. Всего в офисе и в его подразделениях работало тогда около 200 человек, не считая работников собственного издательства, сантехников, слесарей и шоферов школьных автобусов. В Дистрикте в 37 школах начального, 10 – среднего и 5 старшего звена обучалось около 27000 учащихся, которых здесь «величают» студентами. Это вполне в американском духе, здесь всё не так как в старой, добре Европе. Если в Англии большие города называют “cities”, а маленькие “towns”, то в Штатах всё наоборот.

Школа.

Школы я описывать не буду. Они везде разные. Но, даже старая, типа Митчелл, даст фору новым школам в России своей разумной планировкой и удобством для детей и учителей. Про совсем новые я и вовсе умолчу: не хочется «сыпать на рану» моим коллегам на родине. А вот про структуру управления школы Митчелл, расскажу.

Высшим органом школы считается Родительский комитет школы. Туда входят человек 5-6 родителей. Директор периодически перед ними отчитывается. Снять его они не имеют право, но «выразить вотум недоверия» могут.

У мистера Поора, нашего директора, было три зама, директор по атлетике на правах зама и личный секретарь. В его офисе также работали четыре Советника по работе с учащимися (у них был свой секретарь), два декана по дисциплине, отдел составления расписания и планирования, отдел по

регистрации посещения студентов, позже появился «социальный работник», который отвечал за «трудных подростков», библиотекарь, два помощника библиотекаря, два специалиста по компьютерам, четверо секьюрити, шестеро уборщиков (все мужчины). В школе обучалось 1,500 человек, работало 88 учителей.

Вот в такой школе мне и предстояло работать. Мощная база, серьёзная организация, по крайней мере, на взгляд со стороны. Особенно со стороны «туристов от образования», которых я здесь повидал немало. Последний такой «турист» из одной центральной области России был года два назад. «Навешали ему лапшу на уши» мои коллеги из дистрикта, причём, навешали искренне, они же не знали другой опыт. Американцы искренне считают, что весь мир должен жить так как они, что здесь всё самое передовое, самое лучшее. Попытался я «приземлить» этого высокого чиновника, показать мою школу, рассказать о «болячках» американской системы образования, но не до меня ему было, да и не до «образования», пахло от него перегаром, а переводчицей была милая дама из его же Облоно...

Итак, школа носила названия Митчелл. Названа она была в честь известного лётчика времён Второй Мировой войны Уильяма Митчелла. Его эскадрилья отличилась в Европе. Звали они себя «мародёрами». Про их подвиги написаны статьи, книги.

Как и всякая другая школа в Америке, наша школа имела талисман – лисицу. К моемуциальному удивлению, лисица представляла собой «мародёров». В коридорах были развешаны плакаты – «мы – гордые мародёры!», ученики носили майки с этой надписью. Я спросил директора, знает ли он, что «мародёры» – это самые позорные преступники, занимающиеся грабежом населения в местах военных действий. Он посмотрел на меня с удивлением, потом сказал, что школа с гордостью носит имя «мародёров», но не преступников, а героев из команды Билли Митчелла. Я понял, что «умом Америку не понять...»

На этом мои «удивления» не закончились. В начале года я подошёл к председателю отдела социальных наук (по-нашему, заведующему методобъединением) Джону и спросил о стандартах. Он страшно удивился и спросил зачем они мне. Я объяснил, что они мне нужны, чтобы составить план на четверть. «А зачем тебе это?» – опять не понял Джон. Мы долго не понимали друг друга. Наконец он мне пояснил, что я волен делать всё что хочу в своём классе. «Здесь не ГУЛАГ, Павел! У нас свобода, делай, что хочешь.» Настала очередь удивляться мне. Особенно, когда по пятницам мои ученики стали хныкать и говорить, что я единственный в школе, кто заставляет их работать в этот день. И действительно, во всех классах в конце недели учителя «гоняли» фильмы, а сами проверяли тетради.

Вскоре я убедился, что такая «свобода» учителя оборачивается проблемами. Среди учебного года ко мне перевели двух учащихся, которые «не нашли общего языка» с учителями из паралельных классов. Оказалось, что им было очень трудно «влиться» в мой класс. Я сначала не мог понять причину их неуспеваемости, но потом выяснил, что один из их прежних учителей начал преподавать с конца книги, а другой вообще выбрал совершенно иной учебник...

Самое страшное в американской школе – это то, что преподавать надо свой предмет каждый день одним и тем же ученикам; не как в советской школе, когда ты видишь учеников два- три раза в неделю. И получается, что надо «покрыть», скажем, всемирную историю за два семестра! Три тысячи лет жизни человечества – за один школьный год! Отсюда и качество знаний, вернее, их отсутствие. Но об этом дальше.

Мой русский класс состоял из четырёх разновозрастных групп. Шесть человек начальное звено, 4 – второй год обучения, 3 - третий и 2 – четвёртый. И все в одном классе, я имею в виду, в одной комнате! Словом, какая-то церковно-приходская школа из дореволюционной России. Пришлось приспосабливаться, нарабатывать новый опыт.

Ученики.

Ученики в Америке, как правило, разделены на возрастные группы: начальное звено, среднее и старшее. Все они находятся в разных зданиях, со своей администрацией, учителями, отдельной школьной жизнью. Это хорошо и плохо. Хорошо то, что в одном здании «варятся» дети приблизительно одного возраста, одного уровня «взрослости». У них свой мир, свои ценности, традиции. Также, они отгорожены от более взрослых «плохих» студентов, поэтому не могут копировать их, не всегда желательное, поведение. Плохо - с экономической точки зрения. Три директора, девять завучей, словом, умножай всё на три...

Чем же американские ученики – «студенты» - отличаются от русских, казахских, армянских? Внешне, теперь, почти ничем. Разве только американцы более рослые и раскрепощённые. Рослые, выше сверстников в других странах, по многим причинам. Первая – питание. Все продукты, буквально, напичканы витаминами. Большее потребление молочных продуктов, что, как доказано, способствует физическому росту человека. Плюс культ силы и здоровья. Спорт, физическая культура, пронизывает все стороны американской жизни! Причём, начинается физическое воспитание чуть ли не с пелёнок.

Мне нравится привозить моих гостей из России, Германии, других стран, в парки нашего города. Каждый уикенд там яблоку негде упасть. Однажды мой

брат попросил меня показать ему один из стадионов. Я привёз его в соседний парк. Там, на огромной лужайке, были «разбиты» штук двадцать футбольных полей. Девочки 4-12 лет соревновались друг с другом. У каждого небольшого поля сгрудились мамы, папы, дедушки, бабушки и... корреспонденты местных ТВ каналов, газет. Поля были размечены прямо по газонам, на крошечных воротах висели новенькие сеточки, игроки были одеты в красочную форму, а судили матчи настоящие взрослые арбитры! Каждый забитый гол объявлялся по громкоговорителю. Всё как на настоящих соревнованиях! И начинались эти соревнования с исполнения гимна США одним из школьных оркестров. Стар и мал вставали и, приложив руку к сердцу, подтягивали красивую, простую мелодию страны...

Вечером включил телевизор, там по Новостям показали кусочек этих соревнований, интервью с детишками, с их родителями. На следующий день я показал своему изумлённому гостю городскую газету. На спортивной страничке 90% материала о школьном спорте и национальных соревнованиях. Скромно в уголочке - колонка международная. А в центре, большая фотография девчёнок – победителей вчерашнего турнира. Вот так, по-человечески, по добруму, без нотаций воспитывается любовь к себе, к своей малой и большой родине, к своим ценностям...

Приезжаю в Россию и вижу как мальчики гоняют изношенный мячик по пыльному пустырю, а рядом сидят взрослые дяди и тёти, пьют пиво и матерятся. По телевизору день и ночь идут спортивные новости из-за рубежа. Смакуются имена даже третьесортных чужих спортсменов, клубов. Дошло до того, что по одному из российских национальных каналов полностью показывают матчи футбольной лиги Англии! Комментаторы просто упиваются иностранными словечками, типа «овертайм», «мундиаль». Олигархи не знают куда девать деньги. Купаясь в золоте, покупают зарубежные клубы, яхты, обогащают и без того развитую инфраструктуру стран, где уже раскошно устроились их чады... Им не до российских мальчишек и девчёнок, которым и выйти-то некуда в посёлках и маленьких городишках необъятной, обманутой страны. А власть держащие, издают закон за законом, задают друг другу наивные вопросы, типа: как сбить волну алкоголизма и наркомании, как воспитать патриотизм!

Меня поразил цинизм российского миллиардера Прохорова, который «оправдал» свою покупку баскетбольного американского клуба тем, что, мол, «это поможет перенять их ноу-хау»! И, ведь, поверили ему отцы нации! Но поверил ли народ? Вряд ли...

В Израиле каждый знает Ротшильда, который столько сделал для становления этой страны. Проезжая по стране, то здесь, то там видишь то

университет, то кибуц, то целые поселения, которые обязаны своим существованием этому истинному патриоту своего народа, который хорошо знал куда вкладывать свои богатства! А арамовичи и прохоровы не знают, как помочь родине. Так и хочется посоветовать им, ну, скажем, не хотите поднимать деревню, вставьте зубы старикам, ведь только в России, да в нескольких других отсталых странах, люди пугают мир железными зубами или беззубьем. Или возмите шефство над общественными туалетами, хотя бы по трассе Москва-Санкт-Петербург! Видимо, мочевые пузыри у российских руководителей бронированные, коли они из Кремля до Завидово могут дотерпеть...

Прости, дорогой читатель, отошёл я от темы. Наболело...

Итак, ученики. Работать с ними человеку не знающему Америку, её культуру, ценности, «специфику», будет нелегко. Я это на себе испытал с первых же уроков. Если в классе русского языка я чувствовал себя достаточно комфортно, то в классы обществоведения, я шёл как на каторгу. Даже в классе экономики, в котором были одни старшеклассники, у меня были более-менее нормальные отношения почти со всеми студентами, кроме двух «оторвяг», которых знала вся школа.

Я не мог понять в чём дело, наконец, один из моих коллег, видя как я мучаюсь, пояснил мне, что в этих классах у меня одни «фрэшманы», то есть «свежаки», (так 9 классников называют в старшей школе) и от них ожидать лучшего не стоит. Как выяснилось, «фрэшманы» - это самый трудный контингент в американской школе старшего звена. Дерзость, невероятная грубость и хамство в отношениях с учителями, низкая ложь, когда их прижмут «к стенке», это не полный набор «красок» к их портрету...

В один из первых дней, я в сердцах пожаловался коллеге, учителю математики, на то, что одна из моих учениц откровенно наврала своим родителям о причине своего отставания в моём классе. Барб, так звали эту женщину, засмеялась: «Welcome to the American school!» (Добро пожаловать в Американскую школу!). Затем добавила: «фрэшманы» у нас, Павел, все такие. Они всегда всё валят на учителей, и, к сожалению, папочки и мамочки их слепо поддерживают! Так что, всегда думай, как прикрыть свой зад!»

Вскоре я убедился в её правоте. В одном из классов была девчушка, которая пользовалась большой популярностью у студентов старших классов. Одноклассники её побаивались и она смотрела на них свысока. Некоторое время она посматривала на меня с интересом, как бы оценивая, но потом поняла мою слабость «новичка» в американской школе и начала дерзить. Однажды я попросил её прочитать что-то из учебника, она лениво посмотрела на меня и заматерилась прямо мне в лицо! Весь класс рассмеялся и, видя мою растерянность, начал меня «травить». Кое-как восстановив порядок, я попросил её выйти в коридор и подождать меня там. Она вышла, по пути показав мне

средний палец.

Я заполнил специальную в таких случаях форму (“Referral”) и вышел вслед за ней, чтобы вручить этот документ и отослать её к завучу для наказания. Девчушка стояла у двери и смело, с вызовом смотрела на меня. Я попробовал её усвостить (самая большая ошибка в работе с американскими школьниками, пытаться читать им натации!), но юная хулиганка повернулась ко мне спиной, показывая, что не собирается меня слушать. Я сделал вторую ошибку: двумя пальцами, не дотрагиваясь до тела, я попытался повернуть ей за руки лицом к себе. Вдруг она завопила:

«Не смей тянуть меня за руку, дурак!» Я спокойно сказал ей, что до руки я не дотрагивался, отдал ей «штрафной билет» и зашёл в класс.

На следующий день мне позвонила секретарь директора и попросила прийти в офис завуча после уроков.

В офисе уже сидели отец этой девушки, завуч школы и сама «виновница». Но виновницей она себя не чувствовала, врала напроливую, говоря, что я к ней придираюсь, что в тот день я «потянул» её за руку. Отец обрушился на меня яростно. Он сказал, что этого так не оставит и отдаст меня под суд! Я не мог вставить слово. Девчушка перебивала меня, называла вруном, и только завуч Кэрэн остановила эту вакханалию. Она спросила, а видел ли кто, как я потянул её за руку. К моему счастью девчонка сказала, что нет. Тогда я её поправил. Глядя в глаза отцу, я сказал, что и здесь она говорит неправду, нас видел мой коллега, учитель немецкого языка. Я немножко блефовал: учитель действительно видел нас, но видел ли он всю «сценку» я не был уверен. Но на войне, как на войне...

Отец тут же сбавил тон. Я перехватил инициативу и показал несколько работ его дочери, которые наглядно подтверждали мою правоту. Девчушку наказали, отец ушёл умиротворённым.

Этот случай был не единичен. Позже я научился «прикрывать свой зад» фактами из «досье», которое я завёл на каждого потенциального нарушителя. Иначе в американской школе не выживешь. Это в советской школе «учитель всегда прав», а здесь этот лозунг не действует. Тут, при «разборе полётов», учитель сидит перед родителем и администратором рядом с учеником и оправдывается «как пацан». Хорошо ли это? Не думаю. При всей демократичности такого «процесса дознания» страдает авторитет учителя, о котором в этой стране как-то подзабыли, стараясь быть политически корректными в глазах родителей.

Другой случай. Однажды я стал свидетелем драки двух девчат в коридоре между уроками. Дрались они насмерть, вцепившись в волосы друг другу. Вокруг них собралась огромная толпа студентов, улюлюкающих, гогочащих. Я оттащил одну из девиц, прибежавший секьюрити оттащил другую. Прозвенел

звонок и толпа весело обсуждая «бесплатное шоу» растворилась по классам. Мою проказницу увела подоспевшая завуч в офис. Я начал было урок, но истощный крик заставил меня и других моих коллег выглянуть в коридор. Там вторая студентка дралась уже с секьюрити. Вернее она пыталась его ударить, но огромный, добродушный негр Джон, держал её на расстоянии руки. Второй он вызывал полицию. Прибежал наш школьный полицейский, надел наручники на бушующую девчонку и увёл её в офис. Она вырывалась, материлась на всех, на полицейского, на декана. Я повернулся, чтобы пойти в свою комнату, но неожиданно увидел уборщика Джеймса, старого, тихого американца. Он стоял в шоке и покачивал головой.

- Скажи, Джеймс, в её возрасте ты тоже так реагировал на замечания взрослых? – спросил я его.

- Что Вы, мистер Кей (так меня звали все в школе). Если бы я так поступил, как эта леди, мой отец отодрал бы меня так, что я бы не смог сидеть пару недель.

- А когда же ваши дети перестали уважать учителей? – я спросил, не надеясь услышать от простого работяги ответ на такой профессиональный вопрос.

К моему удивлению, Джеймс оказался довольно сведущим человеком в педагогике. – Я думаю, что это произошло в 60-ые годы. Доктор Спок и другие «умники» стали продвигать либеральные идеи, типа - быть всегда нежными с детьми, не наказывать их. Вот и доэкспериментировались!

Я долго думал над его словами, то опровергая его «консервативный» взгляд на воспитание детей, то принимая. Налицо, в американской школе, отсутствие какого нибудь почтения учителя. Плохо, когда «учитель всегда прав», но дважды хуже, когда он всегда не прав.

Учителя.

Написал я это слово и задумался. Писать об учителях трудно. Трудно не потому, что они разные, трудно оттого, что американские учителя изолированы друг от друга. Это в Союзе устраивались «открытые уроки», где разбирался каждый шаг учителя, как он повернулся, что сделал первым – проверку пройденного материала или объяснение нового. Словом, там мы всё знали друг о друге. А в Штатах каждый «варится в собственном соку». Раз в год прийдёт завуч или директор, посидит один урок, потом напишет “evaluation” и всё. Продержишься три года, потом никаким экскаватором тебя не выгонят.

Неужели нет «передовиков», спросите вы? Есть, как нет. Без особого труда можно назвать в каждой школе самого популярного учителя. Это будет либо тренер, учитель по физкультуре, либо учитель, курирующий студенческий

совет. Они всегда среди детей, поэтому и уважаемы. А вот распознать настоящего трудягу, кто выдаёт «на гора» стабильные знания ученикам, нелегко...

Но всё же, попытаюсь на глазок, сделать общий портрет здешнего учителя.

В большинстве своём это фанатики, специалисты узкого профиля. В стойности, в трудолюбии, в стремлении самим найти свою «метОду» преподавания, они намного превосходят российских коллег. К этому их толкает несовершенная система подготовки учителей в стране. Как таковых пединститутов здесь нет. Есть колледжи, есть университеты, где нужно самому выбирать программу. И только на заключительном этапе будущие учителя начинают брать классы по педагогике, методике, специальности. Причём, они могут взять один класс в одном университете, другой, где-нибудь ещё, где, скажем, дешевле или удобней. Отсюда нет системы, нет наработанного опыта, как в России. Там хочешь стать учителем, поступил в институт и не надо тебе бегать и искать «крЕдиты», всё для тебя профессионально просчитано и выверено.

Отсюда и слабость американского молодого специалиста на начальном этапе его карьеры. Отсюда и их стремление познать всё самим. В этом бы не было ничего плохого, но пока они «познают», сколько юных «душ» перекалечат!

Я уже упоминал об отсутствии единых, национальных и штатовских стандартов, вернее они есть, но никто их не внедряет, не контролирует. Слишком много свободы, относительности стандартов, их «несостыковка», разноформатность, делают процесс обучения анархичным. Каждый учит, что попало и как ему вздумается. Страдают ученики. Их незнание элементарного – просто поражает. Когда я преподавал мировую историю, я в начале года всегда опрашивал студентов, что они знают, на каком уровне находятся. Из пятидесяти вопросов , типа назовите все континенты, столицу США, в лучшем случае 1-2% получали С (удовлетворительно), остальные не могли ответить и на пару вопросов. Прилагаемые карты с контурами стран, которые я просил заполнить, оставались либо пустыми, либо Китай у них находился во Франции, Италия - в Японии. Лишь три страны, обычно указывались безошибочно: США, Канада, Мексика...

Большим упущением я считаю отсутствие классного руководства. (Предвижу, как на меня сейчас заворчат мои коллеги в России. Сам был кл. руководителем, знаю, что это за адский труд!). Причин этому много. Во-первых, в Америке всё разложено по полочкам, т.е. «пироги печёт пирожник». По крайней мере, так задумано. Во-вторых, не все родители позволят учителям «воспитывать» их чад. Здесь и религиозные и культурные и политические

причины. Их не охватить в небольшой статье.

По «задумке» отцов от образования, роль классных руководителей, то есть «воспитателей», должны выполнять советники (Counselors). Но у каждого из них по четыреста с лишним учеников и при всём желании они не могут справиться с этой задачей. Как результат, воспитательная работа ограничивается наказанием. Остальное ложится на плечи родителей и... общества.

Но не все родители справляются с таким «заданием», а вот общество довольно эффективно обрабатывает этот «сырой материал» здесь и пристраивает в свою инфраструктуру.

Столкнувшись с грубостью, хамством, невежеством подростков, в первые месяцы моей работы в школе, я стал удивляться: как такие «оболтусы» становятся послушными гражданами этой великой страны. В ресторанах улыбки, в любой компании стремление помочь, ублажить клиента. Оказалось всё довольно просто. Для начала я попытался узнать, почему «фрэшманы» худшее звено в старшей школе, почему они ведут себя так. Я спросил своих учеников, когда они поняли, что могут не бояться учителей. Спросил все свои классы, более ста человек. Все как один ответили – в среднем звене. Я не поленился, проехал в одну из средних школ, поговорил с учителями. Все они подтвердили, среднее звено – самое слабое звено в американской системе образования. Ученики, прийдя в неё с начальной школы, очень быстро понимают, что учителя не имеют никакой власти над ними. Да, могут поговорить с родителями, но что родители сделают? Физически наказать не могут. Тронут пальцем – позвонит «обиженный» ученик в полицию и посадят таких родителей. Оценки не играют никакого значения, чтобы ты не получил – перейдёшь в следующий класс. С этим менталитетом они и приходят в старшую школу.

Первая встряска для них в старшей школе происходит в конце семестра, когда они получают оценки. Здесь они начинают понимать, что с ними не шутят. Во втором семестре они уже другие. Но, по-настоящему, другими они становятся позже. Многие из них в 17 лет, а то и раньше, начинают работать. В большинстве своём - в ресторанах официантами, уборщиками. И здесь они получают главный урок взрослого общества: культуру поведения в нём. В отличии от школы, хозяин, супервайзер, не потерпит кислых лиц, плохого поведения, а клиент не оставит чаевые, за которые они и работают. Вот, эти детки и стараются изо всех сил, и это старание быстро «вылепливает» из них законопослушных, улыбчивых, культурных граждан.

Не могу не «проехаться» и по другой слабой стороне американской системы образования – повышение квалификации учителей. В Союзе существовали специальные институты, курсы, которые помогали коллегам,

занятым работой, подтянуть свои знания, идти в ногу со временем.

В Штатах таких организаций нет. Раз в пять лет каждый педагог здесь должен обновить свою лицензию. Для этого надо набрать необходимые пресловутые «крЕдиты». Многочисленные университеты, компании, предлагают семинары по самой разнообразной тематике. Ты волен выбрать любую из них на свой вкус. Вроде бы здорово. Но опять же, всё это пущено на самотёк. Ты можешь выбрать какой-нибудь семинар, какой к школе и не относится и тебе его зачтут. Поэтому, учителя здесь накапливают опыт чутьём и методом проб и ошибок.

Как борются с кризисом

Кризис американской общественной школы - «притча во языцах» здесь. Вот уже несколько лет общество пытается найти выход из создавшегося положения. А положение серьёзно. Американские школьники из года в год показывают самые худшие результаты на различных международных Олимпиадах по математике, науке, чтению и другим предметам. Университеты и колледжи устали жаловаться на вопиющую безграмотность абитуриентов, учителя - на грубость и хамство учеников, родители - на непрофессионализм учителей. Несмотря на предпринимаемые меры и необыкновенно строгие законы, растёт отсев учеников, что увеличивает преступность среди молодёжи; стрельба в школах становится чуть ли не обычным делом ...

Но было бы неправильно сказать, что правительство ничего не делает. Несколько лет назад администрация Буша объявила федеральную программу помощи школам: “No child left behind” (Не оставим ни одного ребёнка без внимания). В рамках этой программы был введён единый экзамен по основным предметам, ставший своеобразным «мерилом» эффективности работы школы, её учителей, которые должны были показывать ежегодный прогресс успеваемости школьников. Были придуманы и меры наказания для отстающих. Если школа не показывала улучшения знаний по результатам такого теста, то её предупреждали. На второй год, предупреждение было более строгим, в школу посыпались проверки, ей старались помочь как исправить ситуацию. На третий год «отставания» планировалось заменить всю администрацию и начать всё сначала.

Спокойная жизнь учителей закончилась. Находясь под жёстким прессингом, администрация школ усилила контроль за ними. В разных школах это было по-разному. Где-то директор и его завучи стали требовать поурочные планы, где-то администраторы стали появляться на пять минут в классах каждый божий день и проверять цель уроков, дисциплину. Школы захлестнула волна «новаторов». На пустом месте возникли многочисленные компании

«экспертов», которые стали учить учителей, как заставить «бедного Джонни» учиться лучше. Кого только не было в это время у нас.

Запомнился один «преуспевающий бизнесмен», который предложил внедрить «индустриальный метод». Ученики у него были «продукцией», администраторы – «супервайзерами», учителя - «производителями», а родители – акционерами. Он рассказывал, как в свою бытность президентом компании по производству деталей к каким-то сверхточным станкам, он сумел наладить идеальное производство, где все работали на результат. Я посмеивался, сидя на его семинарах. А мои коллеги пытались что-то записывать, что-то внедрять.

У нас в то время появился новый директор, вернее, директриса. Она была афро-американкой, довольно умным администратором, с идеальной фигурой модели. С первых же дней она стала внедрять этот опыт «индустриализации школы» в жизнь. Нас заставили чертить всевозможные схемы, графики, составлять файлы на каждого студента, делать анализы их деятельности. Я, в шутку, рассказал своим коллегам, как мой учитель начальной школы организовал соревнование в классе. Каждую неделю он прикалывал фамилии лучших учеников к ракете, нарисованной на большом плакате, а тех, кто не успевал, он вкалывал в спину черепахе. К моему удивлению, директрисе это страшно понравилось и она стала рассказывать всем про «советский опыт»...

Пришёл март, а с ним и экзамен. В начале следующего учебного года в местной газете опубликовали результаты: наша школа не сдвинулась с предпоследнего места. Видя, как расстроилась наша директриса, я рассказал ей старый анекдот директоров советской школы о трёх конвертах: Новый директор школы заходит в кабинет, который покидает его предшественник. Они кратко поговорили о том о сём, а когда новый директор спросил, что бы тот ему посоветовал делать в трудной ситуации, старый коллега открыл сейф и показал три пронумерованных конверта, лежащих в нём. «Будет трудно – открай первый, будет ещё трудней – второй. Ну, а совсем достанут – прочти третий конверт». Начал новый директор работать, но улучшения в школе нет. Нагрягуга проверка, не знает, бедняга, что делать. Вспомнил про конверт, открыл его, а там такой совет: «Вали всё на меня!» Так директор и сделал. Комиссия уехала, поверив ему. На второй год положение дел в школе ещё хуже, уже речь идёт о его увольнении. Открыл директор второй конверт, а там: «Обещай всё что угодно. Пригласи прийти через год и убедиться в том, как школа преобразится». Опять поверила комиссия, пригрозив приехать через год. Ничего через год не изменилось. Сидит директор и ждёт комиссию, вздыхает, не знает, как вывернуться на этот раз. Вдруг, вспомнив о третьем конверте, достаёт его с надеждой, что и на этот раз он ему поможет. Открывает его, а там всего три слова: «Готовь три конверта!»

Моя директриса долго смеялась, но вышло почти так как в анекдоте, через

три года она уехала в Денвер на более спокойную работу.

В 2008 году к власти пришли демократы и реформа образования, начатая администрацией Буша, была раскритикована. Обама объявил улучшение образования задачей национальной важности. Были представлены различные проекты новой реформы, но он упустил время для воплощения её в жизнь. В 2010 году Конгресс заняли республиканцы и начали блокировать все «либеральные» идеи администрации. Нагрянувший экономический кризис заставил местные власти урезать бюджет, особенно его «непроизводственную» часть - образование. Борьба развернулась на местах, ведь штатам не надо спрашивать Вашингтон как управлять школами. Средства массовой информации периодически сообщают о тех или иных новациях в сфере образования в разных штатах. Так, в Нью-Йорке в одной из школ, которая несколько лет подряд не поднималась с последнего места, были уволены все учителя и администрация и объявлен набор новых специалистов на их место. В Индианополисе совсем недавно губернатор-республиканец протащил закон о лишении учителей «стажа иммунитета против увольнения».

Можно приводить другие примеры таких «экспериментов». Но, думаю, настало время подвести итоги моим наблюдениям.

Итак, в чём причина глубокого кризиса американской системы общественного образования? Их много, слишком много...

Однажды я участвовал в работе съезда учителей Казахстана. Почти в каждом выступлении педагогов, после хвалебных обязательных слов в адрес коммунистической партии, начиная словами «вместе с тем, у нас есть ещё недостатки», слышалась обеспокоенность состоянием дел в образовании. Почти все подчёркивали слабые знания, социальный пессимизм молодёжи, «девальвацию» ценностей, рост тунеядства, правонарушений. И тогда на трибуну поднялся известный педагог, который сказал, что сейчас прочитает письмо одного учителя другому. В том письме было всё, что мы, делегаты, уже слышали, и от чего породично устали. Зал было погрузился опять в спячку, но тут выступающий неожиданно спросил: «знакомая ситуация, неправда ли коллеги?» И не успели мы «переварить» его вопрос, как он изрёк: «я прочитал вам письмо, датированное третьим веком до нашей эры.» Зал взорвался смехом и аплодисментами. На этом он не остановился и изрёк вторую фразу, которая глубоко врезалась мне в память. Он привёл слова какого-то мыслителя, который однажды сказал в сердцах: «легче кладбище перенести с одного места на другое, чем что-то изменить в системе образования!»

Тогда я, молодой педагог, пожав плечами, подумал о несерёзности такого заявления. Но прошло много лет, за плечами длинная педагогическая карьера, и я теперь понимаю как был прав тот человек, который сказал эти мудрые слова.

Система образования – это поле, урожай на котором зависит от агронома, его знания земли, от техники, тракториста, с его внутренним миром, от селекции семян, отобранных для посева, от удобрений, от природных условий и от многих других, менее заметных факторов...

Так и в образовании. Могу ли я, как учитель, изменить демографическую ситуацию вокруг школы Митчелл, повлиять на процент разводов, на безработицу родителей моих учеников? Конечно нет! А ведь мой «Джонни» именно в этих условиях и живёт! И меня ругают за то, что он не хочет учиться! Одна из самых серьёзных ошибок общества – винить во всём учителя. Политики не знают школу, они оторваны от реальной жизни. Они забыли, что на желание или нежелание «Джонни – Петеньки» воздействует и семья, и его друзья, и учителя, и общество, и ещё тысячи больших и малых причин. Игнорировать их – значит пытаться перенести кладбище.